

Игра перспективы

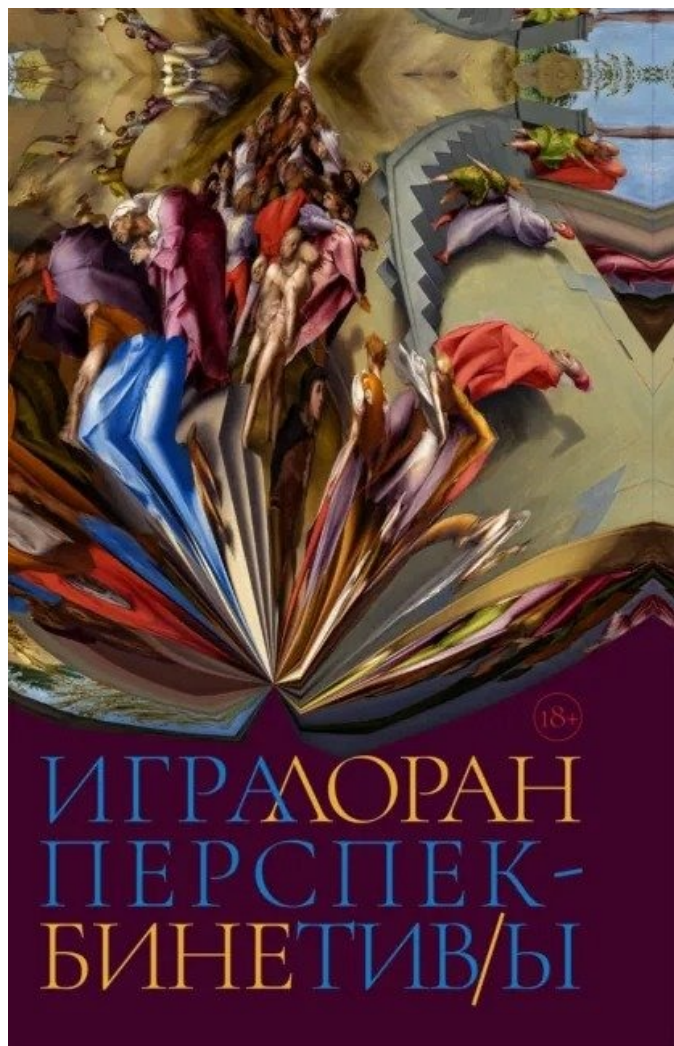
Искусствоведческий детектив, последний возлюбленный Марины Цветаевой и антиутопия альтернативной истории послевоенной Европы

14:51, 18 июля 2026,

Продолжаем рубрику «Книги недели». На этот раз — искусствоведческий детектив об эпохе Возрождения, попытка написать биографию последнего возлюбленного Марины Цветаевой и антиутопия альтернативной истории послевоенной Европы. Все три романа — о диалоге со временем: ироническом, драматическом и трагическом. Читатель же может выбрать свою тональность.

Лоран Бине. «Игра перспектив/ы»

- Перевод с французского: Анастасия Захаревич
- «Издательство Ивана Лимбаха»

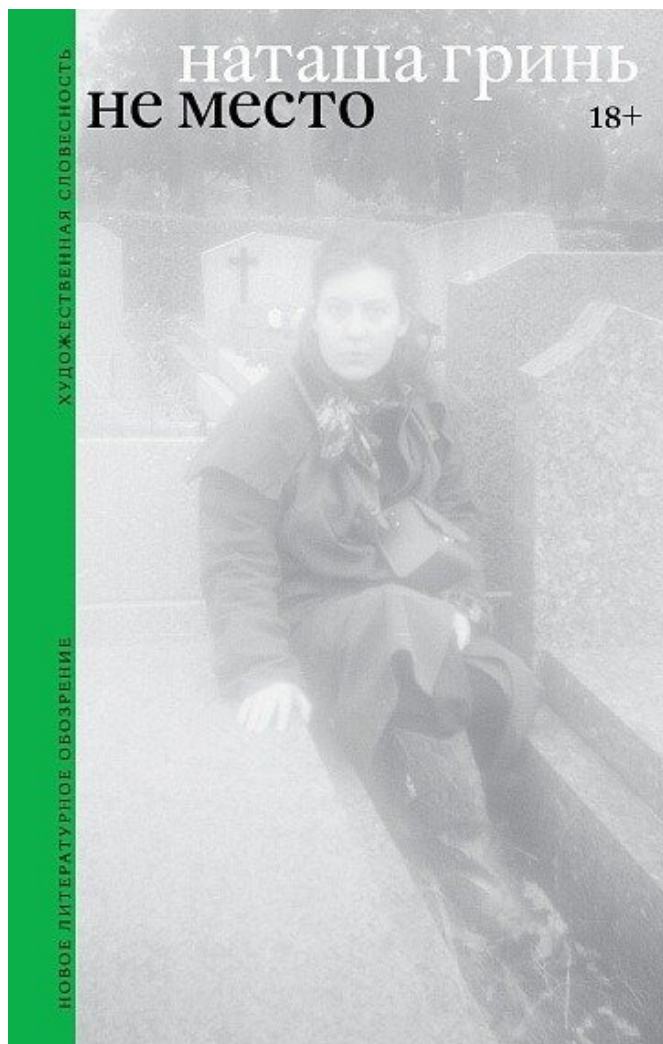
Идеальный искусствоведческий детектив — лучшее чтение для летнего (и не только) отдыха. Всё как мы любим: Италия, великая и прекрасная эпоха — закат Возрождения и заря

Барокко — и конечно, убийство. За всем этим — «Игра престолов» по-итальянски, но со множеством отсылок к современности. Борец за угнетенных цитирует Манифест коммунистической партии и речи Сталина, полюбившая пажа наследница Флорентийского герцогства как будто разыгрывает новеллу из «Декамерона», божественный Микеланджело консультирует своего старого знакомого, как убежать из Флоренции, чьи истины он когда-то сам проектировал, а блестящий Бенвенуто Челлини совершает очередное дело, достойное его великой автобиографии. Впрочем, об этом он не напишет, ибо это деяние существует только в воображении современного французского писателя.

Содержание соответствует форме: это роман в письмах, жанр, по первым строчкам которого можно понять, что речь идет о безвозвратно ушедшем прошлом (и о субъективности в хорошем смысле, о множественности точек зрения, стремящихся к точке схода согласно той самой теории перспективы Возрождения).

В тексте есть настоящие художественные эксперименты: великие живописцы останавливают действие ради описания (в данном случае — великих же произведений искусства). Так как герои общаются по переписке, то у них есть хотя бы несколько часов или даже дней, чтобы подумать о случившемся, и это создает немного ироническую, но очень уместную дистанцию. Читателю остается домысливать описания, которых в книге не так много: конечно, герцогская дочь должна быть красавицей, художник — одержим вдохновением и трудом, а Возрождение, к которому мы привыкли, надо иногда возрождать, чтобы приподнимать над землей нашу собственную повседневность.

И еще немного о сюжете. В центре детектива — картина (кроме убийства), изображающая Венеру в крайне фривольной позе с лицом дочери герцога Медичи. Так что дипфейк — тема вечная, а автор изящно напоминает, что даже наша современная эпоха может быть описана с проекцией на Возрождение. Или же наоборот, ведь и то, и другое — игра перспектив.

Наташа Гринь. «Не место»

- **Новое литературное обозрение**

Роман Наташи Гринь читается как история о невозможности написать историю. Рассказчица живет в Париже, в наши дни, скорее уже в эмиграции, чем в поездке. Почти все время она сосредоточена на каких-то мелочах вокруг, но каждая мелочь — это важная метафора, удерживающая расползающийся по швам мир. А потом ее описание текучего (и протекающего) мира

вокруг переходит в настоящее историческое расследование.

Сюжетных линий в романе две. Автор пытается реконструировать биографию Константина Родзевича, последнего возлюбленного Марины Цветаевой (и, пожалуй, это самый известный на сегодня факт о нем). Параллельно этому два молодых француза, исследователи Гражданской войны в Испании (в этом году 90 лет с ее начала), при знакомстве с очередным жильем в аренду видят обреченные на сожжение старые бумаги. Нетрудно догадаться, что они тоже связаны с тридцатыми годами прошлого века. И это закономерно не только для сюжета маленькой книги, но и для всей русской и мировой истории. А вот почти на экзистенциальный вопрос, что делать с этими бумагами — спасти их от аутодафе, прочитать, использовать для того, чтобы узнать что-то о прошлом, — отвечать уже читателям.

Наверное, уже понятно, что в этом тексте форма важна не меньше содержания. Конфликт текста, с которым работает Наташа Гринь, — невозможность собрать отдельные рассказы в единую историю.

Попытка рассказчика изучить биографию то ли белоэмигранта, то ли сотрудника ОГПУ, сыгравшего не до конца ясную роль в судьбе Марины Цветаевой, обречена на неудачу точно так же, как и стремление француза-интеллектуала разобраться в том, что же за бумаги перед ним.

А ведь они могли бы помочь друг другу, но их линии соединяет только читатель.

Кажется, перед нами нечастый в современной литературе случай: замысел автора понятен. Современная история находится в слишком уязвимом положении, то и дело превращаясь в оружие, избежать этого можно только умолчаниями — а те, кому надо, домыслият нерассказанное. Парадокс, однако, в том, что Наташа Гринь все равно рассказывает историю. Это намек на необходимость рефлексии, которая в идеале должна сопровождать наши размышления о прошлом.

Автор удваивает эксперимент: она сама эмигрантка и находится там, где жил герой ее исторического детектива (а именно в этом жанре написано «Не место»). Но «улик» в истории все равно не хватает. В этой ситуации роман приходит на помощь как новая форма знания о прошлом: конечно, он бесконечно далек от того, что мы по старой привычке (как раз не желающей уходить в прошлое) называем «исторической реальностью», и все-таки это реконструкция, пусть и осуществленная «художественными средствами». История, которой нам хватает. И которая все равно должна быть рассказана.

Кэтрин Чиджи. «Книга вины»

- Перевод с английского: Анна Гайденко
- «Фантом Пресс»

Кэтрин Чиджи — одна из ключевых современных новозеландских писательниц, к счастью, уже известная в России. И вот на русском выходит ее очередной роман — «Книга вины», написанный в популярном жанре альтернативной истории. Хотя и не только в нем — потому что ключевое допущение этой самой альтернативной истории оборачивается антиутопией. Почему так?

Постараюсь обойтись без спойлеров и сразу скажу, что роман читается слишком хорошо, чтобы пересказывать его сюжет в деталях. Итак, Вторая мировая война закончилась на несколько лет раньше, чем было в реальности: победил заговор, во главе

избавившейся от Гитлера и стремящейся к обновлению Германии встал прекраснодушный герой, полковник Клаус фон Штауффенберг (в действительности настоящий мученик) — на пару с самым популярным генералом, Эрвином Роммелем. Но главное, как ни странно, даже не в этом: союзники успели заключить с Германией Гетеборгский договор (место подписания неслучайно, ибо нейтральная Швеция как бы намекает на желание восстановить всё как можно быстрее — и обо всем забыть). И при этом, в частности, они воспользовались печально неизвестными медицинскими разработками Третьего рейха. Которые и были взяты на вооружение (простите за каламбур), чтобы дать очередной прорыв в медицинской науке.

Теперь в Англии можно выращивать своего рода «копии» людей и ставить на них эксперименты, чтобы предотвратить заболевания у «оригиналов», то есть настоящих людей. Понятно, что в какой-то момент в любой антиутопии кто-то из героев осознает весь ужас происходящего. Вот только в классических образцах жанра это приводит к бунту, который заканчивается победой или поражением.

Здесь же героям (среди которых и «копии») вроде бы не остается ничего иного, как смириться со своей участью, а попытка узнать больше о себе и других связана с риском для жизни — и вызывает у окружающих непонимание и отторжение.

Три части, на которые роман разделен, — «Книга снов», «Знаний» и «Вины» — удивительным и убедительным образом отражают нашу реальность. Современный мир предпочитает записывать сны как некие видения, позволяющие ему

предохранить себя же самого от всех и всяческих эксцессов. «Книга знаний» — раз и навсегда жестко определенная рамка того, что современному человеку полагается знать (а чего — нет), чтобы сделать его понятнее и предсказуемее.

Медицинские эксперименты ужасны — и проект создания людей-«копий» держится в строжайшем секрете. О Холокосте готовые и выхолощенные «знания» вообще молчат.

И наконец, вина. В романе это орудие обоюдоострое. С одной стороны, каждому из нас можно что-то припомнить и вызвать это самое чувство вины. С другой — вину должны бы испытывать те люди, которые даже не то что угнетали «копии» в романе (об этом речи не идет), но были по крайней мере нечестны. В последнем случае перекличка с «Очень странными делами» почти очевидна.

Все три части — все три книги — дают вместе размышление простое и важное: даже если вам удалось так или иначе победить нацизм (как и любой другой тоталитарный режим), из него нельзя ничего заимствовать.

Макс Володин